

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Формы и функции интертекстуальных связей в романах
Л. Д. Ржевского 1970-х годов («Две строчки времени», «Дина»)**
АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 2 курса 251 группы
направления 45.04.01 – Русская словесность и журналистика
Института филологии и журналистики

Пахомовой Александры Ивановны
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

доцент, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Т.И. Дронова

инициалы, фамилия

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2025 год

Введение

В процессе изучения романов Л. Д. Ржевского «Две строчки времени» (1976) и «Дина» (1979) обнаруживается, что тексты произведений пронизаны интертекстуальными связями, представленными эпиграфами, многочисленными внутритекстовыми цитатами, литературными аллюзиями и отсылками к произведениям мировой и отечественной культуры. Поэтому при исследовании художественной прозы Л. Д. Ржевского необходимо учитывать межтекстовые взаимодействия, которые имеют важное формально-содержательное значение.

Целью выпускной квалификационной работы является осмысление авторских стратегий интертекстуальности и функций интертекстуальных связей в романах Л. Д. Ржевского 1970-х годов – «Две строчки времени» и «Дина». **Актуальность** исследования обусловлена значимостью осмысления интертекстуальных стратегий автора для углубленного понимания произведений. Недостаточная изученность этого аспекта творчества Л. Д. Ржевского отечественными литературоведами открывает возможности для собственного анализа.

При изучении исследований, посвященных выявлению особенностей творчества Л. Д. Ржевского, мы остановили свое внимание на работах А. И. Ванюкова, В. В. Агеносова и А. А. Коновалова, в которых затрагивается интересующая нас проблема. Принципиальное значение для нас имеют литературоведческие труды А. А. Коновалова: в диссертации «Творческий путь Л. Д. Ржевского (Суражевского)» ученым подробно рассматривается как жизненный путь автора, так и формирование особой художественной манеры. Наиболее важными представляются суждения исследователя о роль бунинской традиции в творчестве автора второй волны эмиграции.

Методологически значимыми для нас являются исследования Ю. М. Лотмана «Текст в тексте» и Н. Пьеге-Гро «Введение в теорию интертекстуальности».

Исходя из степени изученности поставленной проблемы, учитывая специфику избранных для анализа произведений, мы поставили перед собой следующие задачи:

1) Проанализировать источники эпиграфов и их роль в романе Л. Д. Ржевского «Две строчки времени»; раскрыть характер их связи с авторским текстом.

2) Выявить способы включения в романы Л. Д. Ржевского ведущих прозаических претекстов: рассказов И. А. Бунина из цикла «Темные аллеи» и «Лолиты» В. В. Набокова («Две строчки времени») и романов Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и «Бесы» («Дина»), а также исследовать их функции в структуре произведений.

3) Определить характер авторского отбора поэтических претекстов, раскрыть принципы и приемы их включения в структуру каждого из исследуемых романов.

Структура работы определяется последовательным осмыслением интертекстуальных связей в романе «Две строчки времени» (1 глава) и «Дина» (2 глава).

В заключении подводятся итоги работы.

Основное содержание работы

В первой главе **«Многообразие форм интертекстуальности в романе Л. Д. Ржевского «Две строчки времени»** мы рассматриваем эксплицитные и имплицитные проявления межтекстовых взаимодействий в произведении автора-эмигранта. Первый параграф **«Роль эпиграфов в романе «Две строчки времени»**» посвящен анализу эпиграфов, которые предпосланы каждой главе произведения. Это необходимо для понимания авторского замысла и более глубокого погружения в текст.

Опираясь на теоретические исследования Е. М. Цукановой и С. З. Шейраняна, мы выявили, что эпиграфы имеют широкий функционально-стилевой диапазон. Располагаясь перед текстом глав, эпиграф находится в сильной позиции, направляя внимание читателя по заданному в приведенной

цитате вектору восприятия, он репрезентирует художественный замысел автора.

В нашей работе мы позволили себе изменить последовательность рассмотрения эпиграфов романа в соответствии с задачами исследования, а именно раскрыть смысл бунинского эпиграфа ко второй главе романа во втором параграфе, в котором нами анализируется роль произведений И. А. Бунина в художественной структуре «Двух строчек времени».

Эпиграфом к первой главе «Виу-виу-виу» стали строки из стихотворения А. Белого «Вячеславу Иванову» – «Случится то, чего не чаешь...». Цитата подчеркивает стечение обстоятельств, неожиданность знакомства двух главных героев, а благодаря эпиграфу вводится мотив предощущения непредвиденного.

Эпиграфом к третьей главе «Пока» является цитата из романа А. И. Солженицына «В круге первом», которая предпосылается Ржевским для определенного восприятия изображаемых событий через призму идейно-образного содержания текста Солженицына. Для произведений общим является гнетущая атмосфера сталинского периода правления, которая раскрывается через судьбу героя-повествователя и Юты, которая погибает в лагерях.

Первый эпиграф к четвертой главе «Юта» – строки из Ветхого Завета, книги Иова: «Ужасы устремились на меня ... и счастье мое унеслось, как облако...». Через приводимую Ржевским цитату раскрывается художественный замысел всей главы и задается определенный вектор ожидания развития событий в произведении: эпиграф предпосылает к трагическому финалу взаимоотношений автора-повествователя и Юты. Вторым эпиграфом к главе «Юта» является строчка из «Короля Лира» Шекспира: «...У нее // всегда был тихий, нежный, милый голос...». С помощью цитаты автор романа предоставляет возможность воссоздания образа главной героини произведения.

Еще один поэтическим эпиграфом становится четверостишие из стихотворения Микеланджело в переводе А. Вознесенского: «Любовь моя, как я тебя люблю! / Особенно – когда тебя рисую. / Но вдруг в тебе я полюбил другую! / Вдруг я придумал красоту твою!». Приведенная цитата предпосылается Ржевским пятой главе, в которой образ Ии складывается окончательно. Повествователь создает субъективный образ героини, который становится квинтэссенцией чувств как к современной девушке, так и к бывшей возлюбленной.

Эпиграфом к шестой главе «Вечера» становится цитата из поэмы М. А. Волошина «Святой Серафим» – «Бес вечерний / сердце жжет и тянет / горестною ссадиною старой, / расстиляется воспоминаньем, / соблазняет суею неизжитой». Как показал сопоставительный анализ текстов, Ржевский изменяет цитату, и не просто убирает слова, а заменяет их на иные. «Сердце» у Ржевского не жмет, а жжет; словосочетание «сладимою истомой» заменяется на «ссадиною старой». Л. Д. Ржевский таким образом вносит собственный смысл в цитируемое четверостишие с целью раскрытия особого содержания главы «Вечера», поскольку на сюжетном уровне автор-повествователь теряет Ию. Так, девушка для героя останется *старой ссадиной* и воспоминанием.

В результате исследования мы пришли к выводу, что Ржевский использует цитаты в качестве эпиграфов для особого читательского понимания текста, тем самым направляя внимание реципиента по вектору восприятия цитируемого фрагмента. При прочтении полных текстов предпосланных главам произведений возникают дополнительные смыслы, углубляющие текст романа.

Во втором параграфе **«Формально-содержательное значение бунинского и набоковского претекстов в структуре романа»** мы прослеживаем реализацию двух ведущих функций интертекстуальности: характерологической и сюжетологической. Анализ роли бунинского претекста мы начинаем с эпиграфа ко второй главе романа «Темные аллеи» и продолжаем, выявляя многочисленные связи с рассказами из одноименного цикла.

Эпиграфом являются строки из рассказа «Генрих»: «Сочинитель имеет такое же полное право быть смелым в своих словесных изображениях любви и лиц ее, каковое во все времена предоставлено было в этом случае живописцам и ваятелям: только подлые души видят подлое даже в прекрасном и ужасном». Этот эпиграф становится выражением авторского кредо, обоснованием его эстетики и поэтики в изображении любовных отношений героев, в том числе эротических сцен.

Интертекстуальные связи с циклом рассказов Бунина «Темные аллеи», которые переводят герои (а именно – «Таня», «Галя Ганская», «Визитные карточки», «Генрих», «Степа», «Железная шерсть»), вплетены в текст в форме эксплицитных и имплицитных включений. Названные рассказы выполняют особую сюжетологическую функцию в романе Л. Д. Ржевского: основу сюжета романа определяет работа героев над переводами «Темных аллей», в процессе которой выявляются позиции персонажей по широкому кругу литературных и этических проблем, дается профессиональная оценка главным героем-писателем творчества И. А. Бунина, воплощается авторская концепция любви.

Включение эксплицитных интертекстуальных связей с циклом рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» расширяет характерологию главных персонажей романа, добавляя героям новые черты. Так, мы узнаем, что повествователь лично знаком с Буниным и ценит его, в первую очередь, за литературное мастерство, в то время как Ия отдает предпочтение эротизму новелл, нежели художественному таланту автора.

На повествовательном уровне включение в роман многочисленных отсылок к «Темным аллеям» создает особые смысловые узлы. Использование Ржевским обильного цитирования рассказов позволяет нарастить семантический пласт произведения посредством присутствия текста-источника и использования конструкции «текст в тексте».

Интертекстуальные связи романа Л. Д. Ржевского с «Лолитой» В. В. Набокова представлены такими формами, как референция и литературная аллюзия, с помощью которых происходит наращивание дополнительных

смыслов романа «Две строчки времени». «Лолита» В. В. Набокова, как и «Темные аллеи» И. А. Бунина, вводится в текст романа при воссоздании диалога персонажей об эротике в литературе. «Лолита» предстает в романе как культурный знак современности. При этом метонимически сюжетные ситуации романов Л. Д. Ржевского и В. В. Набокова оказываются связаны, что побуждает читателя «Двух строчек времени» к осмыслению любовной линии романа в двух контекстах – бунинском и набоковском. Выбирая в качестве ориентиров произведения двух знаменитых писателей – эмигрантов первой волны, автор «Двух строчек времени» вступает с ними в творческий диалог, утверждая единство литературы русского зарубежья.

Введение литературных отсылок расширяет понимание взаимоотношений главного героя-повествователя и его спутниц жизни – Ии и Юты, а с помощью таких сложных форм повествования, как структура «текст в тексте» и «текст о тексте», Ржевский придает произведению смысловую многозначность. Именно благодаря форме диалога между автором-творцом и читателем с помощью текстовых отсылок к рассказам И. А. Бунина и роману В. В. Набокова формируются определенные условия прочтения романа Л. Д. Ржевского, возникает необходимость обратиться к перечитыванию произведений предшественников.

В третьем параграфе **«Принципы авторского отбора и функции внутритекстовых поэтических цитат»** мы выявили многочисленные поэтические цитаты, которые Л. Д. Ржевский включает в текст романа. На наш взгляд, показателен отбор поэтических претекстов и их функции в произведении. В романе «Две строчки времени» автор-повествователь и другие персонажи в контексте размышлений о любви, красоте, вечной женственности и утрате этих ценностей современным поколением молодых людей вспоминают стихи как современных советских поэтов – Б. Ахмадулиной «Я вас люблю, красавицы столетий», Б. Пастернака «Зимняя ночь», так и строки авторов второй волны эмиграции – знаменитых стихотворений Ивана Елагина «В Гринвич Вилидж» (1963) и «Гринвич Вилидж, 1970», а также

малоизвестных поэтесс – А. Шишковой «Из скандинавского блокнота», Е. Матвеевой «Люблю квартиры...», И. Легкой «Этот город фонтанов...». Причем авторство последних произведений в тексте романа не указывается, имена поэтесс расшифровываются писателем в библиографических сносках.

Среди поэтических цитат особое место занимают строфы из стихотворений Д. С. Мережковского «Дети ночи», И. А. Бунина «Бог» и из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, которые вводят мотив одиночества, усиливая философский план произведения. Особый интерес представляет синкретическая форма повествования, благодаря которой пушкинский текст осмысливается во взаимодействии с экфрастическим описанием Шестой симфонии П. И. Чайковского. Благодаря цитированию стихотворных претекстов образы героев обретают дополнительную семантику. Одной из особенностей авторского отбора претекстов является принадлежность многих из них современным поэтам, представляющим вторую волну эмиграции. Таким образом, Л. Д. Ржевский включает стихи «ближнего круга», лично ему близких и духовно родственных авторов, одновременно воссоздает культурную атмосферу изображаемой эпохи.

Во второй главе выпускной квалификационной работы **«Авторские стратегии интертекстуальности в романе Л. Д. Ржевского “Дина”»** мы также рассматриваем формы и функции межтекстовых взаимодействий в произведении автора-эмигранта, но уже более позднего периода. В первом параграфе **«Рецепция произведений Ф. М. Достоевского в литературно-критических статьях Л. Д. Ржевского»** мы выявили, что написанию романа «Дина» предшествовало осмысление Л. Д. Ржевским творчества Ф. М. Достоевского в литературоведческом ключе. Изданные в 1972 году «Три темы по Достоевскому» включают глубокий анализ широкого круга произведений писателя, обращаясь к которым Л. Д. Ржевский осмысливает «Мотив жалости в поэтике Достоевского», «Мистерию соблазна у Достоевского», «Язык романа «Бесы» и образ автор».

В процессе анализа мы выявили, что Ржевский как автор-литературовед глубже погружен в текст, чем как автор-творец романа «Дина», в который писатель включает далеко не все произведения Ф. М. Достоевского и не столь всесторонне реализует свои представления о творчестве старшего современника. Методологический посыл Ржевского-литературоведа заключается в изучении биографических данных писателя-классика, черновиков его произведений и сопоставлении этого материала с текстами Достоевского. Анализ статей Ржевского позволил увидеть движение мысли исследователя в ходе собственно-авторского анализа таких романов, как «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание» и др. Л. Д. Ржевский обращается не только к самим текстам, но и к критическим статьям о них, к научным трудам. Также он углубляется в исторический, биографический и религиозный контексты произведений, что позволяет в полной мере ощутить глубину анализа исследователя.

Во втором параграфе **«Функции интертекста Ф. М. Достоевского в романе “Дина”»** мы определили, что рассматриваемый текст Ржевского строится на эксплицитном и имплицитном включении прозаических претекстов. В ходе анализа романа мы выделили основные интертексты, которые многократно и последовательно вводятся автором в повествование и, вследствие этого, играют в нем ключевую формально-содержательную роль. Таковыми являются романы Ф. М. Достоевского «Бесы» и «Братья Карамазовы»: герои Л. Д. Ржевского неоднократно обсуждают произведения старшего соотечественника, а для Дины прочтение «Братьев Карамазовых» становится решающим этапом в изменении мировоззрения.

Большая часть интертекстуальных вкраплений выполняет в романе Л. Д. Ржевского характерологическую и сюжетологическую функции. Их реализация осуществляется, на наш взгляд, по преимуществу посредством референции к текстам Достоевского и интерпретации персонажами идей писателя. Так, герои неоднократно вспоминают и обсуждают не только известные романы, но и осмысливают мировоззренческие (зачастую —

христианские) идеи Ф. М. Достоевского. Благодаря интертексту утверждается взаимосвязь между историческими эпохами и выстраиваются параллели между поколениями. Важное характерологическое значение имеет также проекция раскаяния героини на ситуацию романа «Преступление и наказание». Но основная функция введения размышлений персонажей о романах великого писателя – выявление прогностической функции его произведений, в первую очередь «Бесов», характеристика общества, возникшего в послереволюционной России через призму критики Ф. М. Достоевским радикального идеализма, безоглядного следования идеологии, обесценивания свободы человека. Таким образом, через рассуждения героев о «Бесах» в роман «Дина» вводится осуждение персонажами и автором романа диктатуры, воцарившейся в Советской России, углубляется социально-политический аспект романа.

В третьем параграфе **«Характерологическая и сюжетообразующая функции поэтических цитат в романе»** мы выявили ряд лирических претекстов, репрезентирующих круг литературных интересов героев-эмигрантов.

Претексты в «Дине», как правило, атрибутированы повествователем или второстепенными персонажами, и являются элементом создания автором-творцом диалогической формы, которая проявляется во взаимодействии текстов друг с другом. Диалогичность ориентирована на «разговор» с предшественниками писателя и превращает интертекстуальный диалог в концентрацию смыслов русской литературы, поэзии, в частности. Таким образом, поэтическое слово создает область культурной памяти, которой наделены в романе Л. Д. Ржевского герой-повествователь и другие персонажи, оказавшиеся в эмиграции.

Большая часть поэтических претекстов вводится автором романа для углубления темы творчества, поиска вдохновения героем-художником. Так, главным героем цитируются лирические тексты В. В. Маяковского «Послушайте!» и К. Н. Батюшкова «Элегия»: именно через эти претексты

раскрывается авторская концепция природы творчества. Другие же поэтические произведения вспоминают второстепенные персонажи – Моб и Буров, которые воспроизводят строки из стихотворений Б. Л. Пастернака «Зимняя ночь» и М. Ю. Лермонтова «Оставленная пустынь...». Все рассмотренные претексты выполняют одну из ключевых функций интертекстуальности – характерологическую.

Особое место в романе Л. Д. Ржевского «Дина» занимают лирические тексты, которые, как нам удалось выяснить, являются поэтическим экспериментом самого автора. Это строфа о величии поэтического слова, которую произносит Сергей Сергеевич в разговоре об отсутствии подлинного искусства в Советской России, а также перезапись стихотворения Е. Евтушенко «Бабий Яр», которое Л. Д. Ржевский трансформирует, насыщая новыми смыслами, исходя из контекста собственного романа. Все это, по нашему мнению, является проявлением авторского сознания, формой рефлексии творца над событиями, произошедшими в стране, как и в прошлом, так и в настоящем.

В то же время поэтические тексты становятся источниками мотивов, получающих развитие в романном повествовании: мотива памяти об оставленной России, о Петербурге (А. Ахматова «Стихи о Петербурге»); мотива творчества – источников вдохновения, сущности искусства, «волшебства» подлинной поэзии (ассоциативная отсылка стихотворения, сочиненного автором, к «Разговору с фининспектором о поэзии» В. Маяковского); мотива звезды («Послушайте!» В. Маяковского и «Рождественская звезда» Б. Пастернака)), выводящего к христианской проблематике, значимой для героев-эмигрантов и отсутствующей в искусстве и общественной жизни Советской России. Особое место занимают стихотворения, непосредственно проецирующиеся на современную историю России – уничтожение религиозных ценностей («Оставленная пустынь предомной» Ю. М. Лермонтова), отсутствие христианской любви, репрессии (авторская перезапись стихотворения Е. Евтушенко «Бабий Яр»).

Заключение

На основании проведенного нами исследования представляется возможным сделать некоторые выводы об особой авторской стратегии в использовании претекстов в структуре романов «Две строчки времени» и «Дина», и обозначить формы и функции интертекстуальных связей.

Определенная общность, обнаруженная нами в реализации интертекстуальных стратегий Л. Д. Ржевского в двух произведениях, обусловлена выбором формы повествования от лица героя, являющегося творческой личностью – писателем в первом романе, художником во втором. Авторы записок – эмигранты второй волны, для которых культура является важнейшей частью их внутреннего мира, что обуславливает органичность включения в структуру текстов цитат, референций, аллюзий, отсылающих к широкому кругу художественных явлений. При этом в процессе анализа нами учитывалось значение интертекстуальных отсылок как для характеристики персонажей, так и для воплощения позиции автора-творца в каждом романе.

В романе «Две строчки времени» интертекстуальные связи вводятся на всех уровнях текста, начиная с эпиграфов, утверждающих роль автора-творца в произведении. Стихотворные цитаты задают поэтический камертон в восприятии героев и их взаимоотношений.

Особое значение в романе имеет эпиграф-цитата ко второй главе романа «Темные аллеи» из рассказа И. А. Бунина «Генрих», который не только позволяет судить об авторском представлении о любви, но и обрисовывает отношения персонажей через призму взаимоотношений героев новеллы.

В повествовании, ведущемся от лица героя-писателя, ключевую роль играют бунинский и набоковский претексты: «Темные аллеи» и «Лолита». Цитаты и референции к рассказам И. А. Бунина выступают в романе в качестве характеристики персонажей, служат наращиванию смыслов произведения, способствуют поэтизации повествования, а также являются источниками сквозных эротических мотивов в романе. Интертекстуальные связи романа Л. Д. Ржевского «Две строчки времени» с «Лолитой» В. В. Набокова,

представленные такими формами, как референция и литературная аллюзия, позволяют автору расширить контекст размышлений о природе любви.

Важную роль в романе играют поэтические цитаты, отсылающие к широкому кругу авторов – от А. С. Пушкина до современных поэтов, как советских, так и эмигрантских. Наряду с характерологической и орнаментальной функциями они служат репрезентации авторского сознания, его литературных вкусов и предпочтений.

Включение прозаических и лирических претекстов осуществляется Л. Д. Ржевским и в романе «Дина». Как нами было выявлено, интертекстуальные связи способствуют раскрытию характеров персонажей, углублению сюжетной составляющей романа, формированию мотивной структуры произведений и введению не прямых форм критики идеологии и государственной политики Советской России. Так, ключевые претексты – «Братья Карамазовы» и «Бесы» – становятся для главной героини Дины судьбоносными. Именно после прочтения романов Ф. М. Достоевского девушка претерпевает изменения и впервые задумывается о ценности человеческой личности, о покаянии, о добре и зле. Особый исследовательский интерес для нас представило изучение литературоведческих работ Л. Д. Ржевского, которые посвящены осмыслению творчества Ф. М. Достоевского. Прочтение изданных в 1972 году «Трех тем по Достоевскому» позволило нам выявить, что в творческом сознании автора-эмигранта Ф. М. Достоевский занимал важное место, а понимание христианской природы творчества великого писателя, которое раскрывается в литературоведческих текстах автора-эмигранта, окрашивает и повествование в романе «Дина».

Нами было выявлено, что лирические претексты в романе «Дина» также выполняют характерологическую функцию и воссоздают круг литературных интересов героев-эмигрантов, отсылая читателя к стихам А. Ахматовой, В. Маяковского, Б. Пастернака, М. Лермонтова, Е. Евтушенко.

В целом же интертекстуальность в романах «Две строчки времени» и «Дина» определяет диалогическую форму повествования, рождающуюся в диалоге автора-творца с предшественниками и потенциальными читателями.

Несомненно, рассмотренные нами интертекстуальные включения не исчерпывают всего богатства присутствующих в романах Л. Д. Ржевского цитат, реминисценций, аллюзий. Перспективы дальнейшего изучения творчества Л. Д. Ржевского видятся нами в расширении круга исследуемых произведений писателя («Двое на камне», «...показавшему нам свет», «Бунт подсолнечника», «Паренек из Москвы», и др.) в русле осмысления авторских интертекстуальных стратегий.